

Сергей АНЦИФЕРОВ — прозаик, член МГО Союза писателей России. Служил в ВС СССР, много лет преподавал в МУ МВД РФ. Специалист в области частной охранной деятельности и службы безопасности предприятий. В 2004 году издал сборник юмористических рассказов «Превокские рассказы» (самиздат). В 2006–2012 годах вышли в свет повести «Отставной козы барабанщик» и «Отставной козы барабанщик-2. Путешествие в Крым».

В 2014 году издал книгу юмористических и сатирических рассказов и фельетонов «Есть, кажись, такая профессия», в которую вошли многочисленные юмористические и сатирические рассказы и фельетоны, публиковавшиеся в различных изданиях, в том числе в журнале «Мир безопасности». Лауреат премии альманаха МГО СП России «Литературная республика» за пьесу «Осторожно, двери закрываются».

ЕЩЕ НЕ ПРИШЛО ВРЕМЯ СТРОИТЬ МОСТЫ

(Все совпадения в фамилиях, именах, отчествах и событиях считать случайными)

I

Иннокентий Кузьмин, бизнесмен малой руки, сколотивший скромный капитал, будучи недолго инспектором госпожнадзора одного из подмосковных городков, приобрел себе несколько участков в деревне с ласкающим его слух названием Кузьминское. То ли умысленно, под стать фамилии, то ли было это случайным совпадением — об этом автору повествования неведомо. Но все было за то, чтобы купить именно эту землю: и её относительная недороговизна, и получавшаяся в итоге суммарная общая площадь участка за 30 соток, и расположение этой небольшой деревеньки недалеко от столицы, и то, что в деревню ехали москвичи, возрождая ее хотя бы на уровне дачных поселений.

Еще один плюс — протекавшая по окраине деревни река Протва, дополнявшая и без того окружающий ландшафт естеством настоящей природы, почти не тронутой цивилизацией.

Река у деревни была довольно полноводной, хоть и мелкой. Водилась и рыба всякая, от пескаря до щуки, а ниже по течению можно было наловить десятков-другой раков. Прячась за вековыми ракетами, Протва выскакивала на поворотах с песчаными оголенными берегами, где местные жители облюбовали места для купания и принятия солнечных ванн. Протва по весне после хорошей снежной зимы, как правило, разливалась, наполняя заливные луга рыбой, во благо деревне, по уму построенной первыми поселенцами на холме.

И все бы хорошо, но вот заехать в деревню было-таки непросто. Асфальтированная дорога с довольно сносным покрытием шла вдоль реки, но, увы, на противоположном от деревни берегу. Протва не пускала водителей на машинах напрямик в деревню, а заставляла делать большой крюк, километров с 10, туда, на старый деревянный мост, построенный в незапамятные времена. Вот через этот мост и проезжали раньше в деревню Кузьминское телеги и обозы, а теперь автомобили. Дорога от старого моста до деревни была, прямо скажем, никакая. Весной-осенью в распутицу она становилась как каша, и автомобилисты частенько садились на своих железных конях на брюхо. Затем вызывали трактор, он их долго вырывал из грязи и тащил волоком почти до деревни. Весной-осенью Алексей Кулибин, единственный деревенский тракторист-спаситель, имел хороший приработок от вырванных из плена распутицы машин водителей-горемык.

Пешим порядком местные жители и приезжие перебирались на другую сторону в месте, где много лет назад, как говорили старожилы, упала от удара молнии старая ракета, соорудив вполне долговечный и крепкий мосток. Кто-то натянул там трос, держась за который можно было, не боясь упасть, переходить туда и обратно. Со временем сюда, к дереву-мостку, перенесли и автобусную остановку.

По всем понятиям именно моста в Кузьминском не хватало. О нем многие судачили и просто при встрече, и на деревенских сходах.

Иннокентий буквально влюбился в эти места. Он быстро развалил на купленных им участках старые полуразрушенные дома, оставшиеся от преж-

них жильцов, построил один большой кирпичный дом, мангальную зону, гараж для машины и небольшой плоскодонной лодки-моторки.

Огородив периметр своего хозяйства новым забором, посадив деревья, задумался Иннокентий о строительстве моста. Нет, он и раньше, еще во время покупки земли, думал о нем. Но пока шло строительство и благоустройство, ему откровенно было не до моста, хотя проблемы с доставкой стройматериалов коснулись и его.

— Мост — дело сурьезное, — констатировал староста села Владимир Ильич Киселев, — токмо где ж денег взять на него?

— Скинемся всей деревней да осилим. Ведь мост всем нужен, от мала до велика. Вон, рассказывали, на прошлой неделе один наш малец самокат с дерева-мостка уронил, так еле нашли его, а когда нашли, так еле вытащили из бурелома, как его туда затащило.

— Ишь ты, скинемся, без году неделя в Кузьминском, а уж про скинемся затвердил. А как народ против будет, что тогда?

— Да как же против? Ведь мост всем нужен не ради забавы строить-то его будем. Без него ведь беда, да и только.

— Нужен-то он нужен, да кто ж будет за свой счет мост строить, когда государство должно об этом заботиться? Они нам обещали его построить еще до перестройки, будь она неладна.

— Теперь, Ильич, государство никому ничего не должно, а если за что и осталось должно, так за все давно простило.

— А народ не простил и не простит. Вон на Дальнем Востоке мост отгрохали на днях, а нам от того моста, поди, одна сотая нужна, а то и меньше. Или вот скоро хотят мост в Крым тянуть. И что, скидываться будут все крымчане, что ли?

— Так он платный будет, хочешь проехать — заплати.

— Да ну?

— Точно. Его ведь будут не за государственные деньги строить, а на частные инвестиции.

— Не знаю, какие там вестиции и откудова они будут, а наши денег не дадут никто. Вон, давеча за камаз щебенки, что я подсыпал центральную улицу, так хрен и собрал. А ведь ее-то, щебенку эту, потихоньку и растащили всю по огородам. Пришлось месяц самогон гнать и отвозить в Наро-Фоминск в воинскую часть на полигон, расплачиваться с местным начальством за щебенку.

А грибов сколько отвез маринованных, а огурцы с помидорами? Хорошо хоть банки вернули, вояки хреновы. А хрену сколько отвез им: три литровые банки! Все съели.

— Ильич, давай все же попробуем, надо народ собрать, поговорить.

Народ собрали на майские праздники. Поговорили, обсудили. Все почти согласились, что мост жизненно необходим. А как разговор за деньги зашел, все затихли и разошлись по домам.

Иннокентий был вне себя от ярости. Он с горя напился с Лехой трактористом и всю ночь орал в громкоговоритель, называя односельчан словами непереводаемого русского фольклора.

Так в пьянстве и тоске прошли майские праздники Иннокентия Кузьмина в его деревне Кузьминское. Хорошо хоть жена с подругой укатила за границу на отдых и не видела этой вакханалии.

II

В конце мая в деревню приехали геодезисты и ходили с Иннокентием вдоль берега, что-то замеряли и зарисовывали в блокноты.

А через три месяца на Протве стоял железобетонный мост с высокими перилами. Среди недели в почти пустой деревне, собрав, опять же с помощью громкоговорителя, остатки жителей Кузьминского, Иннокентий Кузьмин торжественно перерезал ленточку и первым въехал в село по новому мосту на своей машине.

Кто-то закричал: «Ура!» Женщины хлопали в ладоши и верещали Иннокентию здравицы.

В выходные кузьминские москвичи и деревенские автомобилисты, громко сигналив, въезжали по мосту в деревню. Малышня летала по мосту туда-сюда на велосипедах. Несколько стариков, включая Ильича, стояли рядом, важно покуривая и обсуждая особенности современного мостостроения.

А на следующей неделе жители Кузьминского и прочие увидели, что на мосту появился шлагбаум, закрытый на большой замок. Всем снова пришлось ехать в объезд.

Еще через неделю на мосту собрался недовольный народ. Все высказывали свое возмущение по поводу шлагбаума.

— Что это он, как буржуй недорезанный, один теперь по нашему мосту ездить будет?

— Ильич, ты скажи ему, что мы, мол, возмущены все!

— А вы вот сами-то ему об этом и скажите.

— И скажем, раз такое дело! Раз ты не можешь как власть ему сказать.

— И что ты за власть такая?

— И правда, Ильич, это ж не по-людски так с односельчанами поступать!

— Если от власти управы нет, сами на него управу найдем!

— Найдем–найдем!

— Да мы срежем этот замок к чертовой матери, а со шлагбаума рыбу ловить будем, как с удочки!

Иннокентий, словно не замечая собравшихся, подъехал к мосту, вышел, открыл замок, отодвинул шлагбаум, проехал через мост, вышел из машины, снова поставил шлагбаум на место и закрыл его на замок.

Затем он взобрался в багажник своего джипа и как с импровизированной трибуны заговорил, обращаясь к народу.

— Земляки! Имею вам сказать, что мост обошелся мне в сумму.... А посему я тут сделал расчет и хочу предложить вам внести, так сказать лепту. Кто может — сразу все, а кто не может, тот в рассрочку.

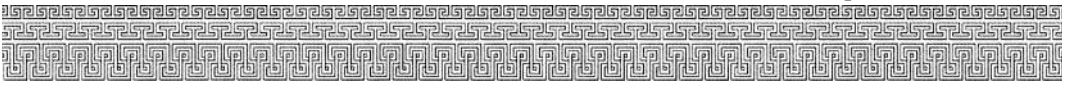
Народ, посылая в сторону Иннокентия проклятья и возмущения, снова разошелся по своим дворам.

Ночью замок спилили. Иннокентий утром повесил новый.

На следующие выходные Иннокентий увидел, что шлагбаум вырвали с корнем и отодвинули, не тронув замка, освободив проезд.

И все поехали: туда — обратно. Казалось бы, что Кузьмин смирился, согласился с тем, что денег ему никто не вернет. Ан нет. Через пару недель к мосту подъехал манипулятор и сгрузил на той стороне реки, прямо у начала моста небольшую бытовку с дверью, обитую серебристой оцинковкой, с небольшим окном-амбразурой. Рабочие отремонтировали шлагбаум и проложили с участка Иннокентия к бытовке по веткам деревьев провод-временку. Вечером в окне бытовки и на пристроенном к ней столбе-фонаре загорелся свет, в лучах которого стоял крепкий мужик в камуфлированной форме. Утром вся деревня пришла смотреть на этого «военного», который самолично установил с двух сторон моста таблички, на которых было написано:

«Проход и проезд по мосту запрещен. Частная собственность.

Охраняется ЧОП «Барьер ВДВ».

Охранник в камуфляже и черных, как смоль, берцах важно расхаживал вдоль моста, давая понять, что шутки закончились.

Он ни с кем не разговаривал, уклоняясь от наиболее назойливых жителей Кузьминского.

Народ бросился к старосте, но Ильич с крыльца своего дома проинформировал пришедших, что мост построен на деньги Иннокентия Кузьмина, на арендованном им у государства участке земли. А человек в камуфляже наделен полномочиями никого на мост не пускать, о чем и написано на информационных табличках.

Деревня гудела несколько выходных. Кто-то перекопал дорогу прямо у моста в надежде, что и сам Кузьмин теперь не проедет. Но к выходным на мосту появилась машина с песком, за ней машина с щебнем, и трое рабочих с лопатами и граблями лихо раскидали, разровняли обе высыпанные на перекопке кучи, облагородив дорогу лучше прежнего. Рабочие уехали, охранник старательно закрыл шлагбаум за въехавшими машинами Кузьмина и его гостей, и снова деревня осталась без моста.

Дожди окончательно испортили объездную дорогу. Однажды самый активный из недовольных жителей, отставной военный по фамилии Мельников, увидел, как к шлагбауму подъехала машина, охранник подошел к водителю, о чем-то с ним поговорил и — о, чудо! — машина заехала в деревню. Мельников бежал за машиной две улицы, шлепая сапогами по огромным лужам.

— Коля, Коля! Стой! А как ты заехал?

— Как-как, заплатил 50 рублей и заехал.

— Как это?

— А вот так, вон и квитанцию на въезд мне дали.

— Погоди-погоди... Это что ж, теперь этот империалист на нас наживаться будет?

— Да я лучше полтинник отдам, чем буду грязь месить по объездной. Хватит, я в прошлые выходные там 2 часа провел, пока Лёха на тракторе не приехал. Так ему за работу триста рублей отдал. Вот и посчитай, где дешевле и без хлопот. Я два часа Кулибина ждал, замерз там как собака. Так Леха мне еще бампер оторвал, пока тянул по грязи в деревню. Не нарочно, конечно, он, но все же. Ремонт в 5 тысяч обошелся. Посчитал, где выгоднее? Вот то-то и оно!

— Коля... ты же... ты что, смирился? Ведь из-за тебя теперь все будут вот так же платить!

— Не хотят платить, милости просим в грязевую жижу, к Кулибину на трос.

— Эх, Белов, Белов! Я бы на твоём месте не стал вот так унижаться.

— Так у тебя же и машины нет, ты вон на велосипеде через бревно шмыг — и покатыл по асфальту.

— Во всем порядок должен быть!

— Я вот не пойму. Что ты все время как заноза везде торчишь? Пруд рыли, так ты громче всех кричал против, а вышло смотри как. И дети там, и мужики рыбу ловят, не выходя из деревни.

— А я и сейчас против этой лужи. Непорядок это, беспорядок.

— В голове у тебя беспорядок, — прошептал Белов в сторону.

— Что говоришь?

— Поехал домой, говорю!

— Ага, езжай, пособник империалистов.

И Мельников оказался провидцем — народ поехал через мост за деньги: 50 рублей туда, 50 обратно.

Осень, как это ни парадоксально, сменила зима. Но была она тоже слякотная и никак не давала постоянными оттепелями сформироваться на объездной дороге крепкому зимнику. Сменяя друг друга, через каждые полмесяца, охранники жили в своей сторожке, топили дровами печку-буржуйку, дым из трубы которой визуальнo превращал мост в старый допотопный пароход.

Весна тоже не порадовала, впрочем, как всегда. До майских много и часто шел то снег, то дождь. Охранники совсем прижились в деревне. С ними здоровались, конечно, кроме Мельникова, который сычом смотрел на них, всякий раз проходя мимо. Однажды охранник спас местных ребят от погоны. Те ходили на танцы в соседнюю деревню и, как всегда, что-то или кого-то там не поделили. Соседские, превосходя по количеству больше чем втрое, гнали кузьминских по дороге, и только охранник на мосту остановил их, не дав перейти Протву, к тому же припугнув для острастки. За это молодежь стала уважать охранников, угощая их сигаретами и пивом. А одного из охранников пришлось выгнать за порочную связь на посту с замужней местной жительницей Лидой Шанкиной. Её муж, Игорь Шанкин, как нарочно раньше времени вернувшийся с работы из Москвы, глубокой ночью застал жену на кушетке в сторожке в роковых объятьях. Охранник и Шанкин би-

лись сильно и в кровь. Полдеревни сбежалось, но никто не полез разнимать. Охранника некоторые жители Кузьминского считали чужим, и к тому же пособником крохобора Кузьмина, а Шанкина не любили за его вечное пьянство и ночные дебоши, мешавшие спать всей деревне. Лидия и Кузьмин с трудом растащили дерущихся. На том все и закончилось. Но охранника сменили.

На майские на собрании деревни все снова заговорили про мост. Кто-то предложил скинуть этот и построить свой, причем на этом же месте, тем самым лишить Кузьмина незаконного заработка.

— Ага, — соглашался Мельников, — сломать его и сообщить куда следует про незаконный бизнес!

Но все хотели мост на халяву, а она, видимо, давно прошла мимо Кузьминского и возвращаться никак не хотела.

III

В июне в деревню приехал участковый. Он долго ходил вместе с Кузьминым по мосту, смотрел документы охранника, куда-то звонил по сотовому телефону.

А где-то в конце июля, среди недели, вдруг исчезла будка вместе с охранником. Деревенские тут же сломали замок на шлагбауме и стали свободно, а главное, бесплатно ездить по мосту. Мальчишки катались верхом на шлагбауме, прыгая с него в воду и громко крича от удовольствия. Мельников ликовал и тыкал в Кузьмина своим кривым пальцем, когда тот, опустив голову, проезжал через мост.

В августе в деревню пришла строительная техника, рабочие разобрали мост и увезли его составляющие в неизвестном направлении.

В сентябре Кузьмин продал свой участок вместе со строениями и больше его никто в Кузьминском не видел.

Новый владелец его участка, выходец с Кавказа привез в деревню свою большую семью и хозяйскую скотину: несколько коров, овец, коз, которые целыми днями бесхозные бродили по деревне вдоль улиц, объедая увядающие цветы клумб и желтеющую листву деревьев.

В октябре распутица окончательно парализовала движение по объездной дороге, да так, что и трактор Лёхи Кулибина не спасал. Он сам застрял там и стоял по брюхо в грязевой жиже, брошенный до самых морозов.

Автомобилисты кузьминского от безысходности стали оставлять свои машины на то стороне Протвы, у дороги. Мельников подрядился охранять машины ночью, благо у него имелось старое отцовское охотничье ружье, из которого он лично ни разу и не стрелял. Но об этом в деревне никто не знал, а потому ему и доверились.

Однажды все тот же Николай Белов запозднил в Москве и приехал в деревню далеко за полночь, вернее не в деревню, а на стоянку у дороги. Мельников сидел на лавке в автобусной остановке, укутавшись в длинный плащ. Он долго щурил глаза, привыкая к свету фар и стараясь разглядеть, кто так поздно приехал.

— Коля, ты что ли?

— Я, а кто ж.

— Что так поздно-то?

— Да вот так вышло.

— Как там погода в Москве?

— Да так же, дождик моросит, дорога грязная. Вон, вся машина как черт.

— Коль.

— А?

— А ведь это я нашего капиталиста-империалиста из деревни выкурил.

— В смысле?

— А без смысла, выкурил и все.

— Это как?

— А так! Письмо я в прокуратуру написал: так, мол, и так, есть у нас нарушитель закона, Кузьмин такой. Про мост сообщил, про платный въезд и выезд с деревни. Про охрану эту, что девок наших замужних порет по ночам. Вот его и обязали все вернуть как было.

— Что вернуть?

— Ну, мост убрать и сделать все, как было раньше. У него-то на землю у моста документов не оказалось, и договор с охраной был липовый. А за сбор денег могли его и привлечь по суду и посадить могли.

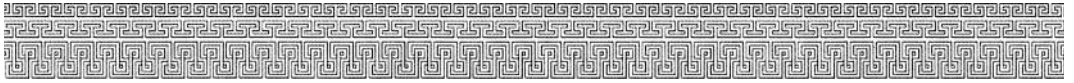
— А что было раньше?

— В смысле?

— Так ведь раньше ничего и не было. И теперь ничего нет: ни моста, ни дороги.

— Зато правда, Коля, восторжествовала!

— Да какая правда! Иннокентий ведь теми деньгами, что собирал с нас за проезд, хотел за кредит расплачиваться. Он его на себя в банке взял, чтобы мост построить. Нам построить! А когда с кредитом рассчитается, то и вовсе шлагбаум открыть хотел. И проезжай кто хочешь.

— Вон оно как? А я и ...

— А теперь ты, старик, у нас капиталистом деревенским стал, — он достал из портмоне 50 рублей и протянул Мельникову, — на, охраняй машину, крохобор!

Перебравшись через бревно-мосток, Николай скрылся в темноте.

— Ну ты сравнил! — кричал ему вслед в темноту Мельников, — я ведь по доброй воле за вашими машинами приглядываю, а он... а он...

Март 2015 г.

